

Субъективная онтология и жизненный мир личности

Е.Е. Сапогова*,
ФГБОУ ВПО МПГУ, Москва, Россия,
esapogova@yandex.ru

Предложена авторская трактовка системообразующей роли субъективной онтологии в становлении содержания жизненного мира человека. Показано, что само осуществление жизненного пути принуждает личность мыслить онтологически, объясняя себе на основе накопленного опыта, как устроена реальность, и выстраивая версию причин и следствий собственного существования в нем. Решая задачи саморазвития и конструируя личные истории, человек опирается на ряд предельных онтологем («судьба», «случайность», «свободная воля»), каждая из которых порождает разные фокусы интерпретации опыта и определяет индивидуальную семантику возможных жизненных событий: если доминирует онтологема свободной воли, самоинтерпретация построена преимущественно как объяснение поступков человека; если человек верит в предопределенность всего судьбой, в фокусе оказываются жизненные свершения; если для него всем властвует случай, то жизнь воспринимается как совокупность непредсказуемых происшествий. Принятые предельные онтологемы стимулируют преобладание в самоинтерпретации одного из психических процессов (веры, мышления, интуиции) и тем самым задают три возможных фрейма для трактовки жизненного пути: судьба—свершение—вера; случайность—происшествие—интуиция; свободная воля—поступок—мышление. Жизненный мир представлен как пирамида, вершину которой образует субъективная онтология, выполняющая по отношению к нему системообразующую функцию, а грани — его гносеологическая, аксиологическая, праксеологическая и символическая плоскости.

Ключевые слова: субъективная онтология, онтологема, жизненный мир.

Subjective Ontology and the Individual's Lifeworld

E.E. Sapogova,
Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia,
esapogova@yandex.ru

The author proposes an interpretation of the core role of subjective ontology in the formation of the individual's lifeworld. It is shown that the actual implementation of the life journey obliges the person to think ontologically, explaining to oneself, basing on the accumulated experience, how the reality is arranged, and building a version of the causes and consequences of his own existence in it. Solving the tasks of self-development and constructing personal life stories, the individual relies upon some ultimate ontologemes ('fate', 'fortuity', 'free will'), each of which generates different foci of interpretation of self-experience and defines the individual semantics of possible life events: if the ontology of free will dominates, then self-interpretation is built primarily as an explanation of human deeds; if the person believes in the predetermination of everything by fate, then life fulfillment would be in the focus of his/her consciousness; if everything is dominated by the fortuity, then life is perceived as a set of unpredictable incidents. The assimilated ultimate ontologemes stimulate the prevalence in self-interpretation of one of

Для цитаты:

Сапогова Е.Е. Субъективная онтология и жизненный мир личности // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 1. С. 35–45. doi: 10.17759/chp.2019150104

For citation:

Sapogova E.E. Subjective Ontology and the Individual's Lifeworld. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2019. Vol. 15, no. 1, pp. 35–45. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2019150104

* Сапогова Елена Евгеньевна, доктор психологических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет (ФГБОУ ВО «МПГУ»), Москва, Россия. E-mail: esapogova@yandex.ru
Sapogova Elena Evgenievna, PhD in Psychology, Professor, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia. E-mail: esapogova@yandex.ru

the mental processes (belief, thinking, intuition) and thus set three possible frames for the interpretation of the life path: fate – fulfillment – belief; fortuity – incident – intuition; free will – deed – thinking. The lifeworld is represented as a pyramid whose top is formed by subjective ontology that performs a system-forming function in relation to it, and its facets are its epistemological, axiological, praxeological and symbolic dimensions.

Keywords: subjective ontology, ontologeme, lifeworld.

Введение

Современная психология взрослого возраста, делая своим предметом характеристики целостного бытия человека в мире, нуждается в обогащении своего традиционного понятийного аппарата для лучшего понимания и объяснения тех процессов, которые определяют его становление на средних и поздних этапах онтогенеза. В последние несколько десятилетий заметно изменились акценты в научном познании сути человеческого развития в зрелом возрасте, потребовавшие новой методологии, в качестве которой выступила экзистенциальная психология: все больше речь идет о важности осознания «необходимости себя» [29], процесса самосозидания и самодетерминации [8; 25], рефлексии и оценивания полноты/неполноты своего существования, принятия и совершения своей жизни как целого [2; 4], выработке личной жизненной философии [36] и т. д., обозначающих новые феномены психической жизни человека и тем самым вовлекающих их в плоскость научного изучения.

Сведение развития во взрослости только к изменению психических функций, расширению диапазона социальных ролей или эмпирически наблюдаемым поведенческим трансформациям давно было осознано как недостаточное для понимания становления человека именно как человека с его самобытной субъектностью [34] и авторством собственной жизни [32]. Имеющийся терминологический аппарат в анализе личности и ее жизненного пути не всегда соответствует обнаруживаемой в исследованиях указанной новой феноменологии (еще В. Маяковский когда-то написал: «Как бедна у мира слова мастертская. Подходящее — где взять?»), поэтому без особого преувеличения можно сказать, что расширение круга объяснительных категорий становится сегодня определяющим направлением понимания существенных характеристик существования в мире «человека живущего», его попыток поиска смыслов и миссий индивидуального бытия.

В последнее время из экзистенциальной философии, культурной и философской антропологии, когнитивной лингвистики и других дисциплин в психологический анализ взрослости активно проникают и наполняются психологическим содержа-

Мир может войти в мой разум только в том случае, если структура этого разума в чем-то совпадает со структурой мира, если деятельность моего мышления так или иначе совпадает с бытием.

Х. Ортега-и-Гассет

нием такие понятия, как «бытие», «жизнь» (в ее небιологическом осмыслении), «жизненный мир», «смысл», «значение», «текстовая идентификация жизни», «выбор», «самоинтерпретация», «индивидуальная онтология», «персональная субкультура», «субъективная интенциональность», «габитус» и др. [30]. Среди них наибольшим объяснительным потенциалом, на наш взгляд, обладают те, которые позволяют моделировать и операционализировать режимы работы самосознания, связанные с реализацией функции «заботы о себе» [18; 45], указывающие на «спиритуализацию» [3] человеческой жизни, на возможности и способы ассимиляции и упорядочивания индивидуального опыта с целью самопонимания/самоинтерпретации и эффективной самоорганизации. Таковыми, на наш взгляд, потенциально выступают понятия субъективной онтологии и жизненного мира личности.

Понятие субъективной онтологии

Чтобы стать событиями индивидуального сознания, исходные переживания, отражающие многообразные контакты человека с миром, должны быть категоризированы, подведены под некое понятие, представление, универсалию или ценность, принятые и усвоенные в процессах социализации и инкультурации. «Составление воображаемой структуры» есть ход сознания, попытка человека разобраться в жизненном многообразии, данном ему вовне и в нем самом. Чтобы распутать опыт, надо внести в него структуру смыслов» [21, с. 63]. Результатом такой работы сознания становится выстраивание человеком *субъективной онтологии*, отражающей индивидуальное полагание наиболее общих оснований любой выбранной для рефлексии темы, в том числе для понимания и интерпретации собственной жизни.

Субъективная онтология опирается на такой опыт человека, который для него значим, отражает его существенные полагания объектов и процессов реальности (в наших предыдущих работах мы обозначили его как экзистенциальный [39]). В этом плане она не обязательно является общим, научно и логически упорядоченным описанием всей из-

вестной человеку реальности, часто относясь лишь к «бытийствующим», доступным и интересующим его фрагментам универсума [12]. Она конструируется из переживаний, представлений, допущений, интуиции, веры, эмоций и т. п. конкретного субъекта, более или менее связно закрепляя их в его сознании в виде индивидуальной картины/образа мира, собственной космогонии, мифологии, субкультуры и т. п., и в этом плане может быть либо более чувственно, эмпирически, либо более рационально, либо иррационально-мистически и т. д. ориентирована [42, с. 96–97]. Будучи сосредоточенной на переживаниях и опыте единичного человека, субъективная онтология пытается зафиксировать и как-то объективировать «невыразимость чувственно-единичного» [28, с. 174].

Выстраивая субъективную онтологию по мере накопления экзистенциального опыта, человек концептуализирует для себя внешнюю и внутреннюю реальность, приводя их в некое, понятное ему, соотношение, конструирует и принимает получающуюся у него картину мира, вписывает себя и свою жизнь в образующуюся модель. Субъективная онтология не обязательно формулируется в форме строгих понятий, она вообще может быть выражена метафорами, символами и/или даже бытовыми описаниями. Также она является подвижной, мобильной структурой, зависящей от накапливаемых событий жизни человека, их переживания, интерпретации и концептуализации на разных временных этапах, приобретая большую определенность и устойчивость в старости — по мере того, как вся жизнь, в ее уже осуществленной человеком полноте, становится объектом осознания.

Но рефлексировав свое существование в мире и самоопределяясь собственными смыслами, человек не просто выстраивает приемлемую картину мира, не только создает жизнеописание или субъективную мифологию, занимаясь абстрактным «онтологическим конструированием», но пытается через них «обнаружить реальную онтологию — подлинную структуру бытия, в которой он живет» [33, с. 138], стремится понять ее горизонты и вписать в них свою жизнедеятельность. Рано или поздно перед каждым мыслящим субъектом встают вопросы сущностного характера: что есть бытие/мир, что есть я и где мое место в нем; в чем смысл и необходимость событий моего существования здесь-и-теперь; почему нечто для меня обладает смыслом и ценностью, а нечто другое — нет; зачем я делаю то, что делаю, или избегаю того, что должен делать и т. п.

Тем самым *само осуществление жизненного пути принуждает личность мыслить онтологически*, объясняя себе на основе накопленного опыта, как устроено мироздание, и выстраивая некую версию причин и следствий собственного существования и самоосуществления в нем.

Таким образом, онтологическое мышление и субъективная онтология (онтология субъективной реальности [14], внутреннего/жизненного мира личности [5; 10; 11; 49]) как его результат оказываются

связующим звеном между человеком и миром, одним из значимых аспектов *особой жизненной реальности*, в пределах которой строится и развивается сфера субъективного, осознаваемая как «Я-бытие», «мое бытие», «бытие меня самого» [17], непосредственно переживаемый опыт [10].

Построение субъективной онтологии оказывается необходимым новообразованием в развитии взрослой личности и важным аспектом ориентировки в данной ей реальности, выполняя ряд функций. Первая функция состоит в том, что субъективная онтология выступает как фрейм или фильтр, определяющий общее восприятие и категоризацию впечатлений, исходящих от реальности. Она делает человека пристрастным к отдельным аспектам воспринимаемого и познаваемого бытия, заставляя видеть только их, но нередко полагая их полным, целостным и истинным бытием, согласующимся с его понятиями, ценностями и т. п. Вторая функция связана с тем, что с помощью принятой субъективной онтологии человек интерпретирует реальность, выстраивая на ее основе и в ее пределах другие объяснительные категории, строит свой смысловой тезаурус. Третья функция заключается в возможности на основании субъективной онтологии формулировать познавательные вопросы и решать в форме ответов на них смысложизненные задачи, встающие перед человеком, «проблематизировать» собственную жизнь. Четвертой функцией можно считать структурирование и упорядочивание внутренней реальности в пределах определенной логики, заданной предельными онтологемами.

На сегодняшний день субъективная онтология, будучи эксплицирована для наблюдения по преимуществу естественным языком и обыденным знанием, еще недостаточно исследована в философии и практически совсем не изучена в психологии, хотя без установления ее содержания и закономерностей функционирования невозможно до конца понять, что в действительности является «реально реальным» для человека [14], исходя из каких фреймов реальности он живет и действует [24].

Еще одна проблема состоит в том, что если для конструирования картины мира или субъективной мифологии бывает достаточно пережитого катарсиса, аналогии, идентификации или символизации, то построению онтологии необходимо как логическое понимание, так и перевод интуитивного самоощущения необходимости себя в решение практических задач саморазвития. Последнее делает построение индивидуальной онтологии важным аспектом «заботы о себе» [18; 45], превращая ее, фактически, в одно из условий построения собственной субъектности.

Субъективная онтология и жизненный мир личности

Понятия субъективной онтологии и жизненного мира кажутся содержательно близкими и чуть ли не

синонимичными, но наш анализ предполагает их следующее различие: *субъективная онтология есть лишь одно из возможных измерений жизненного мира* наряду с другими (гносеологическим, аксиологическим, праксеологическим и т. д.), касаясь в основном обозначения его предельных границ.

По отношению к субъективной онтологии понятие жизненного мира представляется более широким, являясь для него исходной данностью, материалом (почти как у Дж. Китса: «Я ей — монарх [субъективная онтология], она мне — государство [жизненный мир]»). Одновременно построение субъективной онтологии можно считать первичным по отношению к другим возможным измерениям жизненного мира, поскольку для того, чтобы осуществлять хоть какую-то работу по номинации, категоризации, упорядочиванию, систематизации и т. п. непосредственного опыта, этому жизненному миру надо задать некую мыслимую субъектом граничность, конечность: как говорил Ю.М. Лотман, «то, что не имеет конца, то не имеет и смысла» [27, с. 417].

Современное понимание феномена жизненного мира восходит к феноменологии Э. Гуссерля [10; 11], определявшего его как обыденную, не вполне осознанную, но заслуживающую индивидуального доверия «почву» повседневной жизненной практики и опыта относительно мироустройства. Жизненный мир в его трактовке есть мир «изначальных и предельных очевидностей», «поле абсолютно любой практики, в которое устремлены все наши опытные, познавательные и деятельные акты» [47, с. 65]. Сегодня это понимание развивается представителями онто-феноменологического направления (Г. Бранд, Э. Штрёкер, П. Янсен, П. Прехтль [6]). В работах А. Шюца [49] с опорой на идеи Э. Гуссерля, М. Вебера, А. Бергсона, Дж. Г. Мида, У. Джеймса, М. Шелера жизненный мир был определен как непосредственно данная «интуитивная среда» человека — данная в момент переживания, т. е. в «чистом», субъективном (а потому целостном, анонимном и непосредственном) опыте. При ассимиляции опыта по отношению к этому жизненному миру у человека вырабатывается «круг уверенностей», задающих ему организованность и придающих определенные смыслы его феноменам. И уже в социологических контекстах Ю. Хабермас [46], синтезировавший феноменологию Э. Гуссерля с идеями Н. Хомского и символическим интеракционизмом Дж. Г. Мида, рассматривал жизненный мир в качестве ресурса/контекста для понимания и интерпретации взаимодействий и отношений человека и мира.

О необходимости психологического изучения онтологии жизненного мира как связующего звена между субъектом и бытием говорили К. Левин, Г. Мюррей, Г. Оллпорт, А. Энгьял, Ш. Бюлер и др., а в отечественной психологии С.Л. Рубинштейн [37] поставил вопрос о жизненном мире субъекта как о специфическом исследовательском предмете.

Типология жизненных миров была разработана Ф.Е. Василюком [5]. Постулируя факт изначальной связанности субъекта и мира, он попытался

рассмотреть, как переживаются/преодолеваются (гедонистически, реалистически, ценностно и т. д.) критические ситуации людьми с разными типами жизненного мира (внешне легкий и внутренне простой; внешне трудный и внутренне простой и т. д.). Его работа «Психология переживания», написанная в 1984 г., является источником многочисленных цитирований, хотя вопрос об основаниях этой типологии (использование категорий «простой—сложный», «легкий—трудный» в сопоставлении с «внешний—внутренний»), опирающейся на Аристотелево перекрестное противопоставление [15, схема 1], и сегодня нуждается в дополнительной аргументации.

Сегодня феномены жизненного мира активно изучаются со стороны жизненных стратегий [1], жизненного пути личности [26], вариантов жизни [13], жизненного пространства субъекта [23], индивидуального мира человека, его жизненного плана [47], жизненного поля личности [7], форм самобытия человека [31] и др.

В рамках обсуждения проблемы субъективной онтологии мы предлагаем гипотезу о возможных типах жизненного мира, отраженных в самоинтерпретации при построении автобиографии и подчиненных стартовому принятию личностью одной из предельных онтологем.

Предельные онтологемы субъективной онтологии, используемые в самоинтерпретации опыта

Единицами субъективной онтологии являются *онтологемы*, на которых базируются все другие представления и знания человека («тело», «душа», «дух», «воля», «разум», «переживание», «субъект», «реальность» и др.). Онтологемы не выводятся конкретной личностью опытным путем, не доказываются, а воспринимаются и принимаются как *ментальные прецеденты*, по отношению к которым бессмысленно задавать вопрос «почему это так?». Они выступают как совокупность *аксиом* об устройстве мира, понятых и принятых как истинные конкретным человеком. По сути, это глубинные общие представления, изложенные человеком самому себе максимально просто на понятном ему языке. Впоследствии отдельные значения будут выделяться, исходя из уже принятых онтологем.

Социализация и инкультурация позволяют человеку освоить и принять ряд зафиксированных в конкретной культуре онтологем, используемых им в качестве граничных концептов, истинность которых невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Таким образом, *онтологемы* выступают как предельные теоретические идеи (идеологемы, гносеологемы), заданные индивидуально мышлению изначально и лежащие в основе некоего устойчивого значения в культуре и транслируемого комплекса социальных практик. Осуществляя свой жизненный путь, решая задачи саморазвития и конструируя

личные истории, человек сознательно или бессознательно опирается на ряд онтологем, очерчивающих фрейм его жизненного мира, в пределах которого он упорядочивает и категоризирует то, что с ним происходит.

Имея в виду, что субъективная онтология «завязана» на самом человеке и опыте его жизни, мы выдвинули предположение, что в качестве опорных структур для самоосмысления и построения жизнеописания (автобиографии) он может принять предельные онтологемы *судьбы, случайности* или *свободной воли* [40; 41].

Судьбой традиционно называют непостижимую предопределенность событий и поступков человека. Для человеческого понимания судьба сначала обнаруживает себя как совершенно слепая непознаваемая сила, вовлекающая его во всеобщий жизненный поток, и лишь затем по прошествии времени раскрывается в качестве провидения. Это понятие появляется из культурной рефлексии максимально широкого контекста человеческого существования, в котором единичная жизнь оказывается лишь элементом значительно более мощной структуры мироздания, элементом системы бытия в целом. Эта трактовка связана также с мыслью М. Хайдеггера: пространство, в котором все, что бы ни понял, что бы ни постиг умом, что бы ни изобрел или нафантазировал человек, создано и устроено не им, а до его появления; и человек приступает к своей работе осознания и жизнетворчества всегда тогда, когда бытие, в том числе и его собственное бытие, уже *есть*. Если жизненный мир есть абсолютная данность, которая *проживает-ся, переживается*, то судьбу как телеологическую детерминацию неких свершающихся событий нельзя в полном смысле слова *проживать*, ее действие можно только усмотреть в *уже свершившихся* эпизодах жизни или угадывать, предчувствовать в самом ее *течении* на основании уже свершившегося, ставшего индивидуальным опытом.

Принятие случайности (случая) в качестве предельной онтологемы указывает на то, что события человеческой жизни не подчиняются никаким известным на текущий момент закономерностям, могут спонтанно происходить или не происходить в определенных обстоятельствах, являясь *непредсказуемым, неопределенным, временным, частным, единичным явлением*. В противовес онтологеме судьбы случайность мыслится обыденным сознанием средоточием *множественности любых и принципиально непредсказуемых возможностей*.

Онтологема свободной воли апеллирует к персональной спонтанности, личной ответственности, «творческому произволу» человека, его относительной *независимости от наличных обстоятельств* и переживанию подконтрольности событий жизни человеческим мотивам, выборам, целям, устремлениям и пр. В этом случае полагается, что на основе собственных мыслей, интенций, решений человек может провоцировать появление в его жизни тех или иных событий, становиться их источником, причиной.

Влияние предельных онтологем на самоинтерпретацию жизненного пути, отраженную в автобиографических повествованиях

Каждая из названных выше онтологем порождает разные фокусы интерпретации опыта и определяет индивидуальную семантику событий, возможных в человеческой жизни.

Так, если в сознании доминирует онтологема свободной воли, самоинтерпретация может быть построена преимущественно как объяснение *поступков* человека; если человек верит в предопределенность всего и вся судьбой, то в фокусе оказываются жизненные *свершения* (судьба «свершается», «ведет», «осуществляется», «разворачивается» как некая «программа»); если для него всем властвует случай, то жизнь может восприниматься как совокупность непредвиденных и непредсказуемых *происшествий* [50].

Поступки есть результат проявления собственной воли, спонтанности, ответственности человека. Они осуществляются путем персонального выбора, обдуманного решения, основанного на намерениях, когнициях, интенциях и т. п. человека. Свободная воля есть «способность строить свои действия согласно цели (в противоположность “причине”)» [19, с. 69], и это — сознательный, личностный способ жизни взрослого человека, отражающий его стремление к самостоятельности, а также условие его развития и творчества.

Свершения есть результат разворачивания определенной закономерности, с какой предшествующие выборы, поступки и пр. ведут человека к предопределенным ими последующим происшествиям в жизни [19]. В них как бы завершается некое действие, может быть, и начатое человеком по собственной воле, но затем вышедшее из-под его ведома и контроля. Здесь человек предстает как объект того воздействия, которое прямо или косвенно вытекает из активности, проявленной им ранее.

Случаи представляют собой любые комбинации исходов некоторого опыта, имеющие некоторую вероятность наступления [48]. В психологическом контексте речь идет о происшествиях, в которых человек является не субъектом, но вероятностно-возможностным объектом некоей непознаваемой им воли, начало и последствия действий которой непредсказуемы в пределах человеческого опыта. Они могут быть предчувствованы, предугаданы с помощью интуиции, но в целом остаются за пределами возможностей мышления.

Наш опыт анализа автобиографических историй показывает, что принятые человеком предельные онтологемы вовлекают в самоосознание и самоинтерпретацию разные психические процессы в качестве центральных, ведущих. При опоре на онтологему свободной воли автобиография строится как совокупность эпизодов жизни, упорядоченная в соответствии с понятным человеку направленным движением к некоей осознаваемой цели. В этом слу-

чае личная история содержит подробности выводов, заключений, замыслов, принятия решений, построения планов, оценок собственных возможностей и достижений. В них человек активно устраняет естественную жизненную неопределенность, внося в жизнеописание подходящую ему смысловую структуру. Такие тексты обычно когнитивны и фактологичны, в них отражен результат активной работы *мышления*, опоры на некую совокупность знаний и представлений.

При принятии онтологемы судьбы человек всячески подчеркивает имманентность своей связи с миром, императивность, неизбежность наступления неких жизненных событий, даже вопреки своим свободным интенциям и потребностям. В этом случае можно говорить о главенстве *веры* в некое семантическое единство мироздания, требующей от человека созерцания, погружения, растворения в универсуме, осознанного переживания своей общности с чем-то надличностным, большим, чем он сам.

Если личность исходит из онтологемы случая, то в центре автобиографических повествований оказывается некое неожиданное, незапланированное, ненормативное происшествие или череда происшествий, содержащих использованную/упущенную возможность, вне собственных побудительных действий человека повлиявших на его жизнь и/или личность в трагическую (хамартии) или счастливую (кайрос) сторону. Здесь рассказчик больше апеллирует к *интуиции*, позволяющей усматривать в жизненном потоке и использовать внезапно возникшие шансы для развития, трансформации.

Таким образом, принятые личностью предельные онтологемы задают три возможных фрейма для самоинтерпретации жизненного пути (судьба—свершение—вера; случайность—происшествие—интуиция; свободная воля—по поступок—мышление), а также, возможно, и некий общий модус существования, генеральную стратегию жизни, отношение к ней.

Субъективная онтология как системообразующее измерение жизненного мира личности: возможные варианты

Вполне очевидно, что принятием предельных онтологем активность человека по отношению к собственному жизненному миру не исчерпывается. Отталкиваясь от идеи «философского квадрата» Д.И. Дубровского, смоделированного им для анализа субъективной реальности (сознания) [16], мы предположили, что гипотетически жизненный мир человека можно представить как пирамиду, вершину которой образует субъективная онтология (принятые личностью предельные онтологемы), выполняющая по отношению к нему системообразующую функцию, а грани — *гносеологическая* плоскость самоинтерпретации (система концептов, язык, смысловой тезаурус личности и т. д.), *аксиологическая*

плоскость (ценности, жизненные принципы и т. д.), *праксеологическая* плоскость (практикуемые модусы существования [38], жизненные стратегии, экзистенциальные логики [39], общая стилистика жизнеосуществления и т. д.), а также *символическая* плоскость (индивидуальная субкультура, персональная самосимволизация и метафоризация, личные прецеденты и апокрифы и т. д.).

Субъективная онтология проецируется на остальные плоскости (измерения) жизненного мира, во многом задавая их базовое содержание и являясь устойчивым, повторяющимся элементом жизненного мира. Это не значит, что личность, упорядочивая накапливающийся опыт, не использует иные категории, ценности или универсалии; речь идет о том, что ряд концептов начинает выполнять системообразующие функции для организации и интерпретации опыта, придавая им самобытность.

Так, если в качестве центрального онтологического измерения выступает сцепка «судьба—свершение—вера», то можно предположить, что в гносеологической плоскости жизненного мира в качестве системообразующих (объяснительных, ядерных) концептов выступают: судьба, рок, фатум, участь, доля, Бог (абсолют, высший разум и т. п.), вера, доверие, дух, душа, закономерность/закон, предопределенность, истина, вечность, уверенность, неизменность, нравственность, правильность, [высшая] справедливость, убежденность, надежда, единство, ожидание, необходимость, свершение, предречение, планида и т. п. [9; 43]. Отметим, что речь не идет об обязательном наличии выраженной религиозной составляющей такого жизненного мира, хотя размышления русских философов Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, И.А. Ильина, Н.И. Лосского, В.С. Соловьева, П.А. Флоренского, А.С. Хомякова и др. нередко говорят в пользу такой стихийной/неосознанной религиозности.

В рамках аксиологического измерения можно говорить о ценности веры в отношениях человека с реальностью. Вероятно для него будет истинным и значимым переживание себя частью мироздания (как часть сущностного, обязательного целого), подчиняющейся единым всеобщим законам, находящейся в смысловом/семантическом резонансе с универсумом, в цепочке общих со-изменений. Чувство полноты и достаточности свершающегося бытия, переживание гармонии, красоты, блага, добра, истины, необходимости и обязательности всего, происходящего в жизни, могут становиться опорой для самоинтерпретации и самотерапии.

В праксеологическом измерении для человека, принявшего онтологию судьбы, можно говорить о тяготении к ожиданию, созерцательности, медитации, равному принятию как плохого, так и хорошего как жизненного блага, урока, пользы, о смирении, исполнении должного и т. п.

В символической плоскости особой эмоциональной насыщенностью могут обладать образы путеводной нити, книги (текста, надписи, завета), скрижали, дороги, пути, оберега, талисмана, ангела-хранителя,

всевидающего ока, указателя и т. п. Из фольклорно-паремического запаса своей культуры человек может извлекать соответствующие концепты («от судьбы не уйдешь», «всякому свой крест», «все в руках Божьих», «судьбу не обманешь», «доверься судьбе», «не искушай судьбу», «приговор судьбы», «игрушка в руках судьбы» и т. п.) и руководствоваться ими в жизни так, как если бы они были истинными.

Если в качестве центрального онтологического измерения выступает сцепка «свободная воля—поступок—мышление», то в гносеологической плоскости (в смысле словом личностном тезаурусе) центральными могут становиться такие концепты, как: направленное желание человека, его воля, свобода, активность, выбор, личность, Я, самость, мужество, поступок, деяние, ответственность, долг, принципы, предпочтения, побуждения, уверенность, власть, право, независимость, намерение, интенция, мечта и т. д. [20; 35].

Соответственно, в аксиологической плоскости высшей ценностью будет сам человек как субъект своей жизни с его целями, ценностями, знаниями, образованностью, умениями, психическими возможностями, способностями, «заботой о себе», субъектностью, направленностью, самодетерминацией и самоорганизацией и т. д.

В праксеологической плоскости это могут быть свободное волеизъявление, поступание, дерзание, риск с ответственным принятием его последствий, бесстрашие/смелость, преодоление неопределенности и страха перед ней, возможность влияния на большинство и меньшинство, отсутствие конформных интенций в поведении, самостоятельность, активность, самореализация, отсутствие/снятие ограничений, творчество, ассертивность и т. д. Субъект свободной воли независим не только во внешних действиях, но и во внутреннем плане, он вполне соответствует своему возможному образу жизни, обозначенному Э. Фроммом как «авантюра саморазвития».

Можно предполагать, что в символической плоскости этой форме субъективной онтологии могут соответствовать метафоры старта, начала, движения, энергии, созидания, борьбы, бунта, революции, вольного ветра, птицы в полете, парусника с надутыми парусами, стихии, простора, моря, природного раздолья, пространства, степи, перекрестков, вождя/вожака и т. п.

Если в качестве центрального онтологического измерения для человека выступает сцепка «случайность—происшествие—интуиция», то в гносеологической плоскости в качестве базовых могут быть значимыми такие концепты, как: случай/случайность, возможность/невозможность, удача/неудача, уникальность, неповторимость, совпадение, пересечение, предсказание, синхронистичность, запрет/разрешение, угадывание, подстерегание, находка, везение/невезение, допущение, предположение, шанс, оказия, инцидент, риск, «авось», опасность, попадание в цель и т. п. [22; 44]. Часть этих концептов дуальны, поскольку случайности могут быть как позитивными

(и именно их ждут и на них надеются), так и негативными. «Полный опасности шанс» (Э. Брюдаль) — так можно было бы охарактеризовать семантику этой плоскости.

Аксиологическое измерение жизненного мира в этом случае могут образовывать такие ценности, как: надежда, вероятность, возможность, удача, уникальность, успех, находка, встреча, догадка, выгода, прибыль и т. п.

Праксеологическую плоскость могут характеризовать такие поведенческие ориентиры, как: надежда, ожидание, подстерегание, предугадывание, авантюризм, риск, встреча, везение, игра, фарт, пребывание в неопределенности, азарт, колдовство и пр.

В символической плоскости это, вероятно, могут быть образы колеса Фортуны, оракулов, гадалок, лотерей, казино, жребия, черной/белой полосы, разнообразных магических принадлежностей (рун, карт Таро, игральные кости, примет) и т. п.

Указанными моделями, безусловно, не исчерпывается разработка проблемы субъективной онтологии и возможных жизненных миров, но очерчивается, на наш взгляд, перспективная плоскость их возможного исследования, интерпретации и понимания.

Выводы

1. Само осуществление жизненного пути принуждает личность мыслить онтологически, объясняя себе на основе накопленного опыта, как устроено мироздание, и выстраивая некую версию причин и следствий собственного существования и самоосуществления в нем.

2. Субъективная онтология есть способ упорядочения, осознания и концептуализации внешней и внутренней реальности человека, одно из возможных измерений жизненного мира наряду с другими (гносеологическим, аксиологическим, праксеологическим и т. д.), касаясь обозначения его предельных границ.

3. Осуществляя жизненный путь, решая задачи саморазвития и конструируя личные истории, человек опирается на ряд предельных онтологем, в качестве которых могут выступать «судьба», «случайность» или «свободная воля».

5. Каждая из этих онтологем порождает разные фокусы интерпретации опыта и определяет индивидуальную трактовку событий, возможных в человеческой жизни: если в сознании доминирует онтологема свободной воли, самоинтерпретация может быть построена преимущественно как объяснение поступков человека; если человек верит в предопределенность всего и вся судьбой, то в фокусе оказываются жизненные свершения; если для него всем властвует случай, то жизнь может восприниматься как совокупность непредвиденных и непредсказуемых происшествий.

6. Принятые личностью предельные онтологемы стимулируют также преимущественное использо-

вание в самоинтерпретации одного из психических процессов (веры, мышления, интуиции) и тем самым задают три возможных фрейма для трактовки жизненного пути: судьба—свершение—вера; случайность—происшествие—интуиция; свободная воля—поступок— мышление.

7. Жизненный мир человека можно представить как пирамиду, вершину которой образует субъективная онтология, выполняющая по отношению к нему системообразующую функцию, а грани — гносеологическая, аксиологическая, праксеологическая и символическая плоскости.

Финансирование

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-013-00058.

Funding

This work was supported by grant RFBR № 18-013-00058.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
2. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека (Опыт персоналистической философии). М.: АСТ, 2006. 640 с.
3. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: Мысль, 1991. 398 с.
4. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 415 с.
5. Василюк Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М.: МГУ, 1984. 200 с.
6. Гайденоко П.П. Время. Длительность. Вечность: Проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 464 с.
7. Гинзбург М.Р. Психологическое содержание жизненного поля личности старшего подростка // Мир психологии и психология в мире. 1995. № 3. С. 21—28.
8. Гордеева Т.О. Теория самодетерминации Э. Дисси и Р. Райана // Психология мотивации достижения. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2006. 332 с.
9. Гостева И.В. Концепт «духовность» в русской языковой картине мира: светские и религиозные компоненты // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 20. С. 44—48.
10. Гуссерль Э. Картезианские размышления: пер. с нем. М.: Наука, 2006. 320 с.
11. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: введение в феноменологическую философию: пер. с нем. СПб.: Наука, 2013. 496 с.
12. Датыук С.А. Онтологизации [Электронный ресурс]. Киев: 2009. 417 с. // URL: <http://www.uis.kiev.ua/xyz/o.htm> (дата обращения: 22.04.2018).
13. Дружинин В.Н. Варианты жизни. Очерки экзистенциальной психологии. М.: ПЕР СЭ, 2005. 135 с.
14. Дубровский Д.И. Гносеология субъективной реальности: к постановке проблемы // Эпистемология и философия науки. 2004. № 2. С. 35—55.
15. Дубровский Д.И. Лекция 3 (20 октября 2008 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://izlov.ru/docs/100/index-8664.html> (дата обращения: 22.04.2018).
16. Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект: сб. статей. М.: Стратегия-Центр, 2007. 272 с.
17. Иванов Е.М. Онтология субъективного. Саратов: Издательский центр «Наука», 2007. 200 с.
18. Иванченко Г.В. Забота о себе: История и современность. М.: Смысл, 2009. 303 с.
19. Ильенков Э.В. Свобода воли // Вопросы философии. 1990. № 2. С. 69—75.

References

1. Abul'khanova-Slavskaya K.A. Strategiya zhizni [Life strategies]. Moscow: Mysl', 1991. 299 p.
2. Berdyaev N.A. O rabstve i svobode cheloveka (Opyt personalisticheskoi filosofii) [On slavery and human freedom (Experience of personalistic philosophy)]. Moscow: AST, 2006. 640 p.
3. Berdyaev N.A. Samopoznanie (Opyt filosofskoi avtobiografii) [Self- cognition (Experience of philosophical autobiography)]. Moscow: Mysl', 1991. 398 p.
4. Bulgakov S.N. Svet nevechernii: Sozertsaniya i umozreniya [The Light of the Eternal: Contemplation and speculation]. Moscow: Respublika, 1994. 415 p.
5. Vasilyuk F.E. Psikhologiya perezhivaniya. Analiz preodoleniya kriticheskikh situatsii [Psychology of experience. Analysis of overcoming critical situations]. Moscow: MGU, 1984. 200 p.
6. Gaidenko P.P. Vremya. Dlitel'nost'. Vechnost': Problema vremeni v evropeiskoi filosofii i nauke [Time. Duration. Eternity: The Problem of Time in European Philosophy and Science]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2006. 464 p.
7. Ginzburg M.R. Psikhologicheskoe sodержanie zhiznennogo polya lichnosti starshego podroostka [Psychological content of the life field of the personality of the senior teenager]. *Mir psikhologii i psikhologiya v mire* [World of Psychology and Psychology in the World], 1995, no 3, pp. 21—28.
8. Gordeeva T.O. Teoriya samodeterminatsii E. Disi i R. Raiana. Psikhologiya motivatsii dostizheniya [The theory of self-determination by E. Desi and R. Ryan]. Moscow: Smysl; Akademiya, 2006. 332 p.
9. Gosteva I.V. Kontsept «dukhovnost'» v russkoi yazykovo kartine mira: svetskie i religioznye komponenty [The concept of «spirituality» in the Russian language picture of the world: secular and religious components]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2013, no 20, pp. 44—48.
10. Gusserl' E. Kartezianskiye razmyshleniya: per. s nem. [Cartesian Meditations]. Moscow: Nauka, 2006. 320 p. (In Russ.).
11. Gusserl' E. Krizis evropeiskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya: vvedenie v fenomenologicheskuyu filosofiyu: per. s nem. [The crisis of European science and transcendental phenomenology: Introduction to Phenomenological Philosophy]. Sankt-Peterburg: Nauka, 2013. 496 p. (In Russ.).
12. Datsyuk S.A. Ontologizatsii [Elektronnyi resurs] [Ontologizations]. Kiev: 2009. 417 p. URL: <http://www.uis.kiev.ua/xyz/o.htm> (Accessed: 22.04.2018).

20. Карасик В.И., Стернин И.А. Антология концептов: в 6 т. Т. 1. М.: Гнозис, 2007. 512 с.
21. Касавина Н.А. Экзистенциальный опыт: переживание пути и становление структуры? // Вопросы философии. 2013. № 7. С. 63–72.
22. Козина О.В. Семантика понятий дуальности «случайность—закономерность» в традиционной культуре // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. Философия, социология и культурология. 2011. Вып. 12 (104). С. 324–328.
23. Кондратова Н.А. Субъективная репрезентация жизненного пространства личности: дис. ... канд. психол. наук. М., 2009. 203 с.
24. Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник Московского университета. Серия 14 «Психология». 1979. № 2. С. 3–13.
25. Леонтьев Д.А. Личностный потенциал как потенциал саморегуляции // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 107–130.
26. Логинова Н.А. Жизненный путь человека как проблема психологии // Вопросы психологии. 1985. № 1. С. 103–110.
27. Лотман Ю.М. Смерть как проблема сюжета // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа / Под ред. А. Д. Кошелева. М.: Гнозис, 1994. С. 417–430.
28. Макаров М.Г. Развитие понятий и предмета философии в истории ее учений. Л.: Наука, 1982. 270 с.
29. Мамардашвили М.К. Необходимость себя. Введение в философию. Доклады, статьи, философские заметки. М.: Лабиринт, 1996. 432 с.
30. Микешина Л.А. Эмпирический субъект и категория жизни // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. XIX. № 1. С. 5–15.
31. Некрасова Е.В. Теоретико-методологические основания исследования жизненного мира человека // Вестник БГПУ: Психологопедагогические науки. 2004. № 4. С. 81–89.
32. Низовских Н.А. Человек как автор самого себя. Психосемантическое исследование жизненных принципов в структуре саморазвивающейся личности. М.: Смысл, 2007. 255 с.
33. Никитаев В.В. К онтологии множественности миров // Философия науки. Вып. 6. М.: ИФ РАН, 2000. С. 135–157.
34. Огнев А.С. Психология субъектогенеза личности. М.: МГУ, 2009. 137 с.
35. Петровых Н.М. Концепты «воля» и «свобода» в русском языковом сознании // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки: История. Филология. Искусствоведение. 2002. № 24. С. 207–217.
36. Поттер К. Какой мне видится философия // Путь в философию. Антология. М.: Университетская книга, 2001. С. 127–136.
37. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. СПб.: Питер, 2012. 224 с.
38. Сапогова Е.Е. Автобиографирование как процесс самодетерминации личности // Культурно-историческая психология. 2011. № 2. С. 37–51.
39. Сапогова Е.Е. Лабиринты автобиографии: Экзистенциально-нарративный анализ личных историй. СПб.: Алтейя, 2017. 364 с.
40. Сапогова Е.Е. «Личная философия» субъекта: предельные онтологиемы автобиографирования // Материалы съезда РПО: в 3 т. Т. 2 / Под ред.
13. Druzhinin V.N. Varianty zhizni. Ocherki ekzistentsial'noi psikhologii [Life options. Essays on existential psychology]. Moscow: PER SE, 2005. 135 p.
14. Dubrovskii D.I. Gnoseologiya sub'ektivnoi real'nosti: k postanovke problemy [The epistemology of subjective reality: the formulation of the problem]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 2004, no. 2, pp. 35–55.
15. Dubrovskii D.I. Lektsiya 3 (20 oktyabrya 2008 g.) [Elektronnyi resurs] [Lecture 3, 2008, October, 20]. URL: <http://izlov.ru/docs/100/index-8664.html> (Accessed: 22.04.2018).
16. Dubrovskii D.I. Soznanie, mozg, iskusstvennyi intellekt. Sbornik statei [Consciousness, the brain, artificial intelligence]. Moscow: Strategiya-Tsentr, 2007. 272 p.
17. Ivanov E.M. Ontologiya sub'ektivnogo [Ontology of the subjective]. Saratov: Publ. tsentr «Nauka», 2007. 200 p.
18. Ivanchenko G.V. Zabota o sebe: Istoriya i sovremennost' [Self-care: History and modernity]. Moscow: Smysl, 2009. 303 p.
19. Il'enkov E.V. Svoboda voli [Free will]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 1990, no. 2, pp. 69–75.
20. Karasik V.I., Sternin I.A. Antologiya kontseptov: v 6 t. T. 1 [Anthology of concepts: in 6 vol. Vol. 1]. Moscow: Gnozis, 2007. 512 p.
21. Kasavina N.A. Ekzistentsial'nyi opyt: perezhivanie puti i stanovlenie struktury? [Existential experience: the experience of the life-path and the formation of the structure?]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2013, no. 7, pp. 63–72.
22. Kozina O.V. Semantika ponyatii dual'nosti «sluchainost'—zakonomernost'» v traditsionnoi kul'ture [Semantics of the concepts of duality “fortuity-regularity” in traditional culture]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Filosofiya, sotsiologiya i kul'turologiya* [Bulletin of the Tambov University. Humanitarian sciences. Philosophy, Sociology and Cultural Studies], 2011. Vyp. 12 (104), pp. 324–328.
23. Kondratova N.A. Sub'ektivnaya reprezentatsiya zhiznennogo prostranstva lichnosti. Diss. kand. psikhol. nauk [Subjective representation of a person's life-space. PhD (psychology) diss.]. Moscow, 2009. 203 p.
24. Leont'ev A.N. Psikhologiya obraza [Psychology of the image]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14 «Psikhologiya»* [Bulletin of Moscow University. Series 14 «Psychology»], 1979, no. 2, pp. 3–13.
25. Leont'ev D.A. Lichnostnyi potentsial kak potentsial samoregulyatsii [Personal potential as a potential for self-regulation]. In Leont'ev D.A. (ed.), *Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika* [Personality potential: structure and diagnostics]. Moscow: Smysl, 2011, pp. 107–130.
26. Loginova N.A. Zhiznenniy put' cheloveka kak problema psikhologii [Human life path as a problem of psychology]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 1985, no. 1, pp. 103–110.
27. Lotman Yu.M. Smer' kak problema syuzheta [Death as a plot's problem]. *Yu.M. Lotman i tartusko—moskovskaya semioticheskaya shkola* [Yu.M. Lotman and Tartu-Moscow semiotic school]. Moscow: Gnozis, 1994, pp. 417–430.
28. Makarov M.G. Razvitie ponyatii i predmeta filosofii v istorii ee uchenii [The development of concepts and the subject of philosophy in the history of its doctrines]. Leningrad: Nauka, 1982. 270 p.
29. Mamardashvili M.K. Neobkhodimost' sebya. Vvedenie v filosofiyu. Doklady, stat'i, filosofskie zametki [Necessity of a self. Introduction to Philosophy. Reports, articles, philosophical notes]. Moscow: Labirint, 1996. 432 p.

А.О. Прохорова, Л.М. Попова, Л.Ф. Баяновой и др. Казань: Изд-во Казанского университета, 2017. С. 436–437.

41. Сапогова Е.Е. Случайность как онтологема биографических нарративов // Вестник СПбГУ. Психология и педагогика. 2017. Т. 7. Вып. 4. С. 286–307. doi: 10.21638/11/701/spbu16.2017.401

42. Семенов В.В. Две концепции онтологии // Философские исследования. 2006. № 3. С. 96–110.

43. Талапова Т.А. Концепт «вера/неверие» в русской языковой картине мира: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Абакан: 2009. 20 с.

44. Урбанович Г.И. Генетическая характеристика лексико-семантического поля «судьба, счастье, удача» в русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М.: 2007. 20 с.

45. Фуко М. История сексуальности—III: Забота о себе: пер. с фр. Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. 288 с.

46. Хабермас Ю. От картин мира к жизненному миру: тексты парал.: рус., нем. М.: Идея-Пресс, 2011. 128 с.

47. Хван Н.В. Взаимосвязь временной перспективы и ценностно-смысловой организации жизненного мира человека: дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.01. Томск: 2015. 211 с.

48. Чайковский Ю.В. О природе случайности. М.: Центр системных исследований — Институт истории естествознания и техники РАН, 2004. 280 с.

49. Шоц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.

50. Эпштейн М.Н. Поступок и происшествие. К теории судьбы // Вопросы философии. 2000. № 9. С. 65–77.

30. Mikeshina L.A. Empiricheskii sub"ekt i kategoriya zhizn [Empirical subject and category of life]. *Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology and Philosophy of Science]*, 2009, t. XIX, no. 1, pp. 5–15.

31. Nekrasova E.V. Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya issledovaniya zhiznennogo mira cheloveka [Theoretical and methodological foundations for the study of the human life world]. *Vestnik BGPU: Psikhologo-pedagogicheskie nauki [Bulletin of BSPU: Psychological and Pedagogical Sciences]*, 2004, no. 4, pp. 81–89.

32. Nizovskikh N.A. Chelovek kak avtor samogo sebya. Psikhosemanticheskoe issledovanie zhiznennykh printsipov v strukture samorazvivayushcheysya lichnosti [Human as the author of himself. Psychosemantic study of life principles in the structure of a self-developing personality]. Moscow: Smysl, 2007. 255 p.

33. Nikitaev V.V. K ontologii mnozhestvennosti mirov [To the ontology of the plurality of worlds]. *Filosofiya nauki [Philosophy of science]*, vyp. 6. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2000, pp. 135–157.

34. Ognev A.S. Psikhologiya sub"ektogeneza lichnosti [Psychology of subjectogenesis of personality]. Moscow: Publ. MGU, 2009. 137 p.

35. Petrovykh N.M. Kontsepty «volya» i «svoboda» v russkom yazykovom soznanii [Concepts of «will» and «freedom» in the Russian linguistic consciousness]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki: Istoriya. Filologiya. Iskusstvovedenie [News of the Ural State University. The Humanities: History. Philology. Art history]*, 2002, no. 24, pp. 207–217.

36. Popper K. Kakoi mne viditsya filosofiya [What kind of philosophy do I see?]. *Put' v filosofiyu. Antologiya [The path to philosophy. Anthology]*. Moscow: Universitetskaya kniga, 2001, pp. 127–136. (In Russ.).

37. Rubinshtein S.L. Chelovek i mir [Human and the world]. Sankt-Peterburg: Piter, 2012. 224 p.

38. Sapogova E.E. Avtobiografirovanie kak protsess samodeterminatsii lichnosti [Autobiographical construction as a process of self-determination of a person]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-historical psychology]*, 2011, no. 2, pp. 37–51.

39. Sapogova E.E. Labirinty avtobiografii: Ekzistentsial'no-narrativnyi analiz lichnykh istorii [Labyrinths of autobiography: Existential-narrative analysis of personal life stories]. Sankt-Peterburg: Aleteiya, 2017. 364 p.

40. Sapogova E.E. «Lichnaya filosofiya» sub"ekta: predel'nye ontologemy avtobiografirovaniya [«Personal Philosophy» of the subject: ultimate ontologies of autobiography]. *Materialy s'ezda RPO (g. Kazan' 5–7 oktyabrya 2017 g.): v 3 t. T. 2 [Proceedings of the Russian psychological society: in 3 vol. Vol. 2]*. Kazan': Publ. Kazanskogo universiteta, 2017, pp. 436–437.

41. Sapogova E.E. Sluchainost' kak ontologema biograficheskikh narrativov [Fortuity as an ontology of biographical narratives]. *Vestnik of St. Petersburg State University. Psikhologiya i pedagogika [Bulletin of St. Petersburg State University. Psychology and pedagogy]*, 2017. Vol. 4, pp. 286–307. doi: 10.21638/11/701/spbu16.2017.401

42. Semenov V.V. Dve kontseptsii ontologii [Two concepts of ontology]. *Filosofskie issledovaniya [Philosophical studies]*, 2006, no. 3, pp. 96–110.

43. Talapova T.A. Kontsept «vera/neverie» v russkoi yazykovo kartine mira. Avtopef. diss. kand. filol. nauk. [The concept of «faith/unbelief» in the Russian language picture of the world. Ph. D. (Philology) Thesis]. Aбакан: 2009. 20 p.

44. Urbanovich G.I. Geneticheskaya kharakteristika leksiko-semanticheskogo polya «sud'ba, schast'e, udacha»

v russkom yazyke. Avtopef. diss. kand. filol. nauk. [Genetic characteristics of the lexical-semantic field «fate, happiness, luck» in Russian. Ph. D. (Philology) Thesis]. Moscow: 2007. 20 p.

45. Fuko M. Istoriya seksual'nosti—III: Zabota o sebe: per. s. fr. [The History of Sexuality-III: Self-care]. Kiev: Dukh i litera; Grunt; M.: Refl—buk, 1998. 288 p. (In Russ.).

46. Khabermas Yu. Ot kartin mira k zhiznennomu miru: teksty paral.: rus., nem. [From the pictures of the world to the life world]. Moscow: Ideya-Press, 2011. 128 p. (In Russ.).

47. Khvan N.V. Vzaimosvyaz' vremennoi perspektivy i tsennostno-smyslovoi organizatsii zhiznennogo mira cheloveka. Diss. kand. psikhol. nauk. [Correlation of the time-perspective and the value-semantic organization of the human life world. Ph. D. (Psychology) diss.]. Tomsk: 2015. 211 p.

48. Chaikovskii Yu.V. O prirode sluchainosti [On the nature of fortuity]. Moscow: Tsentr sistemnykh issledovaniy — Institut istorii estestvoznaniya i tekhniki Rossiiskoi Akademii nauk, 2004. 280 p.

49. Shyuts A. Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii: per. s angl. [Semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology]. Moscow: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2003. 336 p. (In Russ.).

50. Epshtein M.N. Postupok i proisshestvie. K teorii sud'by [Act and incident. To the theory of fate]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2000, no. 9, pp. 65–77.